

АКАДЕМИЯ НАУК РОССИИ
РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
академика Российской Академии наук
М. Н. БОГОЛЮБОВА

Вып. XXIX
БОРИС ИВАНОВИЧ ПАНКРАТОВ
МОНГОЛИСТИКА. СИНОЛОГИЯ. БУДДОЛОГИЯ

ЦЕНТР «ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ»
1998

**ПЕРЕВОДЫ ИЗ «ЮАНЬ-ЧАО БИ-ШИ»
Родословная Чингис-хана**

Часть I

§ 1. Был Бортэ Чино, родившийся по воле Верховного Неба. Его женой была Гоа-Марал¹. [Они] пришли [сюда], переправившись через Тэнгис. Был Батачи-хан^{1а}, родившийся [у них], когда [они] кочевали у Бурхан-Халдуна в верховьях реки Онон.

§ 2. Сын Батачи-хана — Тамача. Сын Тамачи — Хоричар-Мэргэн. Сын Хоричар-Мэргэна — Аучжам-Бороул. Сын Аучжам-Бороула — Сали-Гачау. Сын Сали-Гачау — Еке Нидун. Сын Еке Нидуна — Сюн-Сочи. Сын Сюн-Сочи — Гарчу.

§ 3. Сын Гарчу — Борджигидай-Мэргэн имел жену [по имени] Манголджин-Гоа, Тороголджин-Баян имел жену [по имени] Борохчин-Гоа, слугу [по имени] Боролдай-Суялби, а также двух скакунов — Дайр и Боро. Сыновья Тороголджин-Баяна были Дува-Согор² и Добун-Мэргэн.

§ 4. Дува-Согор имел один глаз посреди лба. [Он] обладал способностью видеть за три кочевки.

§ 5. Однажды Дува-Согор со своим младшим братом Добун-Мэргэном поднялся на Бурхан-Халдун.

Глядя с Бурхан-Халдуна, он увидел, что вниз по течению речки Тунгэлик подкочевывает какая-то группа людей.

¹ В 1962 г. Б. И. Панкратов читал имя, ранее транскрибированное им *Гоай Марал*, как *Хоа-Марал* [см. 4, с. 10—11].

^{1а} С. А. Козин и Дамдинсурэн передают это имя иначе (выделяя другие морфемы): *Bataciyan* и *Batцагаан*. Панкратовское Батачи-хан, вероятно, ближе к истине. Хотя *Батачи* не имеет удовлетворительной этимологии ни на монгольской, ни на тюркской почве, *-хан* — довольно типичный компонент имен собственных в «Сокровенном сказании» (далее — «С. С.»). С другой стороны, соблазнительная этимология Дамдинсурэна: *Батцагаан* («твердый белый») — хороша для современного монгольского, но не для средневекового, где в слове *batu* («твердый») огласовка второго слога иная (ср. имена собственные на *-хан* в «С. С.» хотя бы по обратному словарю Фитце [14]). К варианту *Батачи-хан* склоняется и один из последних интерпретаторов «С. С.» Гадамба [7, с. 223—224]. Формы имен собственных у Б. И. Панкратова по разным причинам часто не совпадают с таковыми у других переводчиков. Далее мы не будем подробно на этом останавливаться; дело чаще всего в фонетической интерпретации текста. Что же касается исследования имен собственных, воспользуемся случаем порекомендовать интересующимся данным вопросом малоизвестную в Европе работу Фан Лингуя [8].

² Козинское чтение *Дува-Сохор*, по всей видимости, точнее.

§ 6. [Он] сказал: «Среди этих приближающихся людей находится красивая девушка в крытой повозке»¹. Он отправил своего младшего брата Добун-Мэргэна, чтобы он разузнал, и, если она еще не замужем, намеревался сосватать ее Добун-Мэргэну.

§ 7. Добун-Мэргэн побывал у тех людей, и на самом деле, там была девушка по имени Алан Гоа, красивая, очень знатного рода и еще ни за кого не просватанная.

§ 8. Что касается той группы народу, то выяснилось так: Баргуджин-Гоа, дочь Бархудай-Мэргэна, владетеля земель Кол-Баргуджин-тухум, была выдана замуж за Хорилартай-Мэргэна, нойона Хори-Туматского. А Алан Гоа была дочерью, которая родилась у Хорилартай-Мэргэна от Баргуджин-Гоа в земле Хори-Тумат в местности Арих-Усун.

§ 9. Когда в землях Хори-Тумат был наложен запрет на охотничьи угодья, богатые соболем и белкой, Хорилартай-Мэргэн рассердился². Он принял для своего рода прозвище Хорилар и, говоря, что земли около горы Бурхан-Халдун хороши для охоты, сейчас перекочевал, направляясь к владельцам горы Бурхан-Халдун Бурхан Босгахсану и Шэньчи Баяну из племени Урянхай.

Вот при каких обстоятельствах произошло сватовство и женитьба Добун-Мэргэна на Алан Гоа, дочери Хорилартай-Мэргэна из племени Хори-Тумат, родившейся в местности Арих-Усун.

§ 10. Алан Гоа, придя в дом Добун-Мэргэна, родила двух сыновей. Их звали Бугунутай и Балгунутэй.

§ 11. У Дува-Согора, старшего брата Добун-Мэргэна, было четыре сына. Время шло, и Дува-Согор, старший брат Добун-Мэргэна скончался. Когда Дува-Согор скончался, его четверо сыновей, забыв о родстве, не имея уважения к своему дяде Добун-Мэргэну, отделились от него и, покинув, откочевали. Они образовали четыре рода. Они самые и есть Дорбэн Иргэн.

§ 12. После этого Добун-Мэргэн поднялся однажды на гору Тогочах Ундур, чтобы поохотиться. В лесу он встретил человека из племени Урянхай, который, убив трехлетнего оленя, жарил на костре его ребра и внутренности.

§ 13. Добун-Мэргэн сказал: «Друг, и я в доле!»³. «Дам», — сказал человек и, оставив себе «джулдэ» с легкими и шкуру, отдал Добун-Мэргэну целиком все мясо трехлетнего оленя.

§ 14. Добун-Мэргэн, завьючив мясо трехлетнего оленя, направлялся к дому. По дороге он встретил изможденного человека, который вел своего сына.

§ 15. Добун-Мэргэн спросил: «Ты что за человек?». Тот человек ответил: «Я из племени Маалих Баяудай. Я обнищал. Дай мне мяса от этой дичины, а я отдам тебе вот этого своего сына!».

¹ Другая редакция перевода не лучше: «Хороша девушка, [что сидит] на передке крытой кибитки среди тех приближающихся сюда людей».

² Вряд ли это можно признать удачным переводом. Слова *qorilalduja mau'alalduja* означают «чинить взаимные препятствия, ссориться».

³ Один из темных фрагментов текста «С. С.»: *Nokor širqlqa-da*, остался неясным и для Б. И. Панкратова. Очевидно, что слово *širqlqa* связано, напр., с совр. монг. *шор* («вертел»; *шорло* — «жарить на вертеле»). Ясен и общий смысл ситуации: один попросил мяса, другой дал ему этого мяса. Но этнографический и этикетный смысл этой сцены остается неясным.

§ 16. Услышав эти слова, Добун-Мэргэн отделил заднюю ногу трехлетнего оленя и дал ему, а его сына увел с собою, чтобы он прислуживал в доме.

§ 17. Время шло, и Добун-Мэргэн скончался. После кончины Добун-Мэргэна Алан Гоа, не имея мужа, родила трех сыновей. Их звали: Бугу Хатаги, Бухату Салджи и Бодончар Мунхак.

§ 18. Родившиеся раньше от Добун-Мэргэна два сына — Бэлгунутэй и Бугунутай — тайком от своей матери Алан-Гоа говорили: «Наша мать, не имея ни мужа, ни братьев мужа, родила этих трех сыновей. В доме есть только один человек — из племени Маалих Баяудай. Эти три сына наверняка от него».

Мать их, Алан Гоа, распознала о разговорах, которые они вели тайком от нее.

§ 19. Однажды весной она сварила провяленную тушу барана, посадила рядом друг с другом пятерых своих сыновей — Бэлгунутэя, Бугунутая, Бугу Хатаги, Бухату Салджи и Бодончар Мунхака, дала каждому по одному древку стрелы и сказала: «Переломите!». Какой тут труд переломить по одному древку! Переломили. Тогда она связала вместе пять древков, дала им и сказала: «Переломите!». Пятеро сыновей эти пять связанных древков каждый подержал по очереди, ломал, но переломить не смог.

§ 20. Тогда их мать Алан Гоа сказала: «Вы двое моих сыновей, Бэлгунутэй и Бугунутай, ведете между собой разговоры, подозревая меня. Вы говорите — она родила вот этих трех сыновей. От кого эти сыновья? — Подозрения ваши правильны.

§ 21. Каждую ночь по свету, проникающему через щель в дымоходе, приходил блистающий желтый человек. Он гладил мне живот, и его сияние проникало в мой живот. Когда он уходил, то, как желтая собака, он взбирался по лучам солнца и луны.

Зачем вы так необдуманно говорите? Ведь если судить по этому, то это признак того, что они дети Неба. Как вы можете говорить о них как о простых смертных? Вот когда они станут великими ханами, тогда-то поймут простолоудины».

§ 25. Живучи таким образом, он однажды увидел, как молодой сокол поедал пойманного им тетерева. Тогда Бодончар сделал силок из волоса своего серого коня со сбитой спиной и голым хвостом, поймал сокола и стал его воспитывать.

§ 27. Наступила весна. Когда стали прилетать утки, Бодончар проморил сокола голодом, а потом стал пускать на дичь. Сокол бил столько уток и гусей, что они висели и гнили, испуская зловоние на каждом сухостое, на каждом пне.

§ 28. Из-за северного склона горы Дуйрэн, вниз по течению речки Тунгэлик прикочевала группа людей. Бодончар, охотясь с соколом, стал заходить к ним. Днем он пил у них кумыс, а вечером ночевать уходил в свое жилище — травяной шалаш.

§ 35. Тогда Бодончар сказал: «У тех людей, которые живут на реке Тунгэлик, нет ни больших, ни малых, ни знатных, ни простых, ни господ, ни слуг. Это люди, которыми легко завладеть. Давай-ка мы их захватим!».

§ 38. Бодончар, будучи передовым разведчиком, захватил беременную женщину и спросил ее: «Кто ты такая?». Эта женщина сказала: «Я женщина из племени Джарчитут, из рода Аданхан Урянхай».

§ 39. Пятеро братьев, забрав в полон тех людей, теперь стали обладателями и скота, и людей, и слуг.

§ 41. Та женщина родила от Бодончара одного сына. Так как она была пленницей, то этому сыну дали имя Бааритай. Он был предком рода Баарин. Сын Бааритай — Чидухул Боко. У Чидухул Боко было много жен. Сыновей родилось великое множество. Они стали родом Мэнэн Баарин.

§ 64. Мы, племя Унгират, испокон веков славимся прелестью наших племянниц, красотой наших дочерей. Мы не спорим с соседями о владениях, а наших румяных девиц, посадив в большие телеги, запряженные черными верблюдами, рысцой отправляем вашим ханам и сажаем их рядом с ними на ханский престол. Мы не спорим о владении народами и землями. Мы, вырастив красивых дочерей, сажаем их в телеги, запряженные сивыми верблюдами, и, отправившись в путь, сажаем их рядом с ханом на высокий трон. Мы с давних времен народ Унгират, у которого шитами — ханши, а ходатайствами — девушки. Мы крепки прелестью племянниц и красотой дочерей.

Часть II

§ 79. Тогда пришел во главе своей дружины [тайчиудский] Таргутай Кирилтух, [думая, что теперь:

безобразные (подобно голым птенцам) — оперились,
слюнявые (как телята) — подросли].

Тут матери с детьми и все братья в ужасе бросились прятаться в лес. Балгутэй строил укрепление из поваленных деревьев, а Хасар перестреливался с врагами. Хачиуна, Тэмугэ и Тэмулун спрятали в ущелье, а сами вступили в бой. Тогда Тайчиуды стали громко кричать: «Выдайте нам вашего старшего брата, Тэмуджина! Другого нам ничего не надо!». Этим они и побудили Тэмуджина бежать. Заметив, что Тэмуджин направился в лес, Тайчиуды бросились за ним в погоню, но он уже успел пробраться в густую чащу на вершине горы Тэргунэ. Не умея туда проникнуть, Тайчиуды окружили этот лес и стали его сторожить.

§ 81. Таргутай Кирилтух привез Тэмуджина к себе и распорядился, чтобы его подданные по очереди давали Тэмуджину ночлег 16-го числа первого летнего месяца по случаю праздника полнолуния. Тайчиуды устроили пир на крутом берегу р. Она и расходились с пира, когда уже заходило солнце. На это празднество Тэмуджина привел какой-то слабосильный парень. Выждав время, когда все пировавшие расселись, Тэмуджин бежал от этого слабосильного парня, вырвавшись у него из рук и ударив его раз по голове своей шейной колодкой. Он, бежав, прилег было в ононском лесу, но опасаясь, как бы его не заметили, скрылся в воду. Он лежал в заводи лицом вверх, а шейную колодку пустил плыть вниз по течению.

[Часть III]

[§ 105.] От Тоорил-хана Тэмуджин, Хасар и Балгутэй вернулись домой, и уже из дому Тэмуджин послал к Джамухе Хасара и Балгутэя, нака-

зав им: «Вот так скажите моему побратиму Джамухе: “Ложе мое пусто¹. Принадлежит к одной семье, мы ведь не чужие друг другу. Как же нам отомстить? Принеся кровную клятву, разве мы чужие друг другу? Как же мы выполним свою месть?”». Не только это наказывал он передать своему побратиму Джамухе, но также и собственные слова кэрэйтского Тоорил-хана: «Помня, что я в свое время был облагодетельствован отцом — Есугэй-ханом, я буду блюсти дружбу. Со своими двадцатью тысячами я выступлю правым крылом. Пошли переговорить с младшим братом Джамухой, не подымется ли он со своими двадцатью тысячами. Место же и время для встречи пусть назначит сам брат Джамуха». Выслушав все это, Джамуха сказал: «Только я услышал про Тэмуджина... <...> Теперь, когда (мы) хлопаем по чепракам, производя (этим) шум (как от) барабанов, пугливый (трусливый) Тохтога, чай, уж в степи Буура. Когда встряхиваем (наши) прикрытые крышками колчаны, трус Даир Усун теперь, чай, уж на острове Талхун-Арал у слияния Сэлэнгэ с Орхоном. Удирающий со всех ног в лес, когда ветром несетя (на него) перекати-поле, Хаатай-Дармала теперь, чай, уж в степи Хараджи. Теперь мы прямо через (поперек) Хилок, лишь бы был цел (там) камыш, свяжем плоты и переплывем. Нападём, как снег на голову, внезапно на труса Тохтога (букв. проникнув через дымовое отверстие юрты), разгромим в прах остов юрты. Жен и сыновей его истребим поголовно, расколём дверную раму (порог) его, принадлежащую гению счастья (являющуюся обителью гения счастья), весь народ его истребим до единого.

[§ 112.] Поймали Хаатай-Дармала, надели ему колодку на шею и повезли к Бурхан-Халдуну. Колодки из досок ему надели, к Халдун-Бурхан отправили. Бэлгүтэю указали на стойбище, в котором находилась его мать, и он отправился за нею. Но она в рваной овчинной шубе ушла через левую сторону двери, в то время как ее сын входил через правую. Вышла во двор и, обращаясь к посторонним людям, говорит: «Мои сыновья стали, говорят, ханами, а я тут отдана низкому человеку. Как же мне смотреть теперь в глаза моим сыновьям?». С этими словами она убежала и скрылась в лесу. Как ее ни искали, так и не нашли. Поэтому Бэлгүтэй как только видел кого-либо из мэркитов, тотчас же приказывал стрелять в них тупоголовыми стрелами, приговаривая: «Приведи мою мать!»².

[§ 115.] Тэмуджин, Тоорил-хан и Джамуха, сообщив разрушив жилища мэркитов и полонив их красивых жен, на обратном пути пошли через Талхун-Арал, что у слияния рек Орхон и Сэлэнгэ. Тоорил-хан направился к Черному лесу на реке Туле, следуя по северным лесистым склонам Бурхан-Халдуна, через урочище Хачаурату-субчит и Уляту-субчит, попутно занимаясь охотой.

[§ 116.] Тэмуджин с Джамухой сообщив расположились на Хорхонах-дзубуре. Стали они вспоминать про свою старую дружбу и уговорились еще сильнее углубить свою взаимную любовь. В первый раз они поклялись быть побратимами еще когда Тэмуджину было одиннадцать лет: Джамуха подарил тогда Тэмуджину лодыжку от козули, а Тэмуджин ему дал в знак

¹ Вариант перевода 1941 г.: «Ложе мое опустошено тремя мэркитами» [АВ, ф. 145, оп. 1, ед. хр. 213, л. 31].

² Вариант перевода: «Бэлгүтэй же пускал стрелы в каждого (завиденного им) мэркита, приговаривая: “Отдай мою мать!”» [АВ, ф. 145, оп. 1, ед. хр. 213, с. 2].

дружбы лодыжку, налитую медью. Они вместе играли в лодыжки на льду реки Онон. После этого, когда они весной стреляли из игрушечных луков, Джамуха подарил Тэмуджину стрелу-йори, склеенную из рога, а Тэмуджин — стрелу-годоли, сделанную из можжевельника¹. И они поклялись друг другу быть побратимами. Так они побратались вторично.

[Часть IV]

[§ 133.] Чингис-хан сказал: «Татары — наши старые враги. Они губили наших отцов и дедов. Поэтому и нам следует принять участие в настоящем сражении». Он послал Тоорил-хану следующее извещение: «По сведениям, Алтан-ханов Онгин-чинсан гонит перед собою, вверх по Ульдже Мэгуджин-Сэулту и прочих татар. Давай присоединимся к нему и мы против татар, этих убийц наших дедов и отцов. Поскорее приходи, хан и отец мой, Тоорил!». На это извещение Тоорил-хан отвечал: «Правда, сын мой. Объединимся!». На третий же день Тоорил-хан собрал войско и поспешно вышел навстречу Чингис-хану. Затем Чингис-хан с Тоорил-ханом послали извещение джуркинцам: «Давайте пойдем вместе с нами для истребления татар, которые испокон веков были убийцами наших дедов и отцов!». Они прождали лишние шесть суток против того срока, в который тем следовало явиться. Не имея более возможности ожидать, Чингис-хан с Тоорил-ханом объединенными силами двинулись вниз по Ульдже. По причине передвижения Чингис-хана и Тоорил-хана на соединение с Онгин-чинсаном, Мэгуджин и прочие татары укрепились в урочищах Хусуту-шитуэн и Нарату-шитуэн. Чингис-хан с Тоорил-ханом выбили Мэгуджина из этих укреплений. Мэгуджин-Сэулту тут же убили. В этом деле Чингис-хан взял у Мэгуджина серебряную люльку и одеяло, расшитое жемчугом.

Часть V

[§ 148.] Чингис-хан тогда, при разгроме тайчиутов, истребил, развеял, как пепел по ветру, тайчиудских Аучу Баатура, Хотун Орчана и Худудара вместе с их родом и племенем. Их народ Чингис-хан переселил², а сам зазимовал в Хуба Хая.

[§ 149.] Ширугэту-эбугэн из рода Ничугут Баарин вместе со своими сыновьями Алахом³ и Наяя поймали тайчиудского нойона Таргутай-Кирилтуха, который пытался укрыться в лесу. «Это — человек, против которого у нас накопилась обида»⁴, сказали они и Таргутая, который не мог ездить верхом, посадили на телегу.

¹ В 1941 г. Б. И. Панкратов пояснил, что речь идет о кит. *баму*, *Juniperus communis* или *Juniperus daurica* [см. АВ, ф. 145, оп. 1, ед. хр. 213, л. 17].

² *godolgeju ireju* — «пригнал». Ср. у С. А. Козина: «пригнал к себе».

³ Естественнее читать это имя: *Алаг*, этимологизируя от монг. *alay* «пегий». Это касается и других подобных случаев — дело в том, что и в современном, и в среднемонгольском нет конечных спирантов.

⁴ На самом деле сказано буквально следующее: *taiciudun noyan tarqutai kiriltuq huailaju bukiyi ošitu guin bulee* — «Тайчиудский нойон Таргутай-Кирилтух — враг, который прячется в лесу» (*ošitu guin* — «враждебный человек», «враг»). Перевод С. А. Козина тоже

Когда Ширугэту-эбугэн вместе со своими сыновьями Алахом и Наяя, поймавши Таргутай-Кирилтуха, держали путь [к ставке Чингис-хана], их нагнали родичи (дословно: дети и младшие братья) Таргутая, намереваясь отнять его.

Как только родичи Таргутая приблизились, Ширугэту-эбугэн влез на телегу, где находился пытавшийся подняться Таргутай, сел верхом ему на спину, вытащил нож и сказал: «Твои родичи хотят тебя отнять у нас. Так как я поднял руку на тебя — на своего хана, то теперь, пусть даже я тебя не убью, меня все равно убьют за то, что я поднял руку на своего хана; если я убью тебя, опять-таки я буду убит. Так уж лучше умру-ка я, взяв с собою подстилку (т. е. убив своего врага)». Когда, сидя верхом на Таргутая, Ширугэту-эбугэн хотел было перерезать горло Таргутая своим большим ножом, Таргутай громко закричал, призывая своих родичей: «Ширугэту меня убить хочет! Если он меня на самом деле убьет, так зачем вам мое мертвое, безжизненное тело, которое вы увезете? Пока он меня не убил, вы лучше поскорее уезжайте! Тэмуджин меня не убьет. Когда Тэмуджин был еще маленьким, я уже считал, что он подает большие надежды¹. Видя, что он остался покинутым, на безлюдном кочевье, я отправился туда и привез его к себе. Я подумал, что если его наставлять, то он будет способен к учению, и я его обучал, как обучают жеребят-наук. Если бы я хотел его умертвить, так разве я не сумел бы этого сделать! Думаю, что он сейчас хорошо помнит обо всем. Тэмуджин меня не умертвит. Вы, мои родичи, поскорее уезжайте, а то как бы меня не убил Ширугэту». Так громким голосом кричал Таргутай-Кирилтух. Дети и младшие братья начали советовать: «Мы прибыли, чтобы спасти жизнь отца. Если же Ширугэту отнимет у него жизнь, так зачем нам его одно только безжизненное тело? Уж лучше, пока Ширугэту его не убил, поскорее уедем-ка!» И они уехали. Когда вначале они подъезжали, Алах и Наяя, сыновья Ширугэту-эбугэна, спрятались. Теперь отец их позвал, и они тронулись в путь. Когда они по дороге достигли местности Хутхулнуут, Наяя там сказал:

«Если мы приедем с захваченным нами вот этим Таргутаем, то Чингис-хан скажет, что мы подняли руку на законного владыку — своего хана. Чингис-хан скажет о нас: “Каким доверием могут пользоваться эти люди, поднявшие руку на своего законного владыку? Как они теперь могут стать нашими сотоварищами-друзинниками? Снимите головы этим людям, у которых нет понятия содружества, людям, которые подняли руку на законного владыку — своего хана”».

Вместо того, чтобы потерять свои головы, мы лучше давайте здесь отпустим на свободу Таргутая, а сами пойдем и скажем Чингис-хану: “Мы пришли послужить тебе. Поймав Таргутая, мы направлялись сюда, чтобы отдать его тебе. Но мы не могли забыть, что он наш хан — законный владыка; как мы могли допустить, чтобы его умертвили! Поэтому мы отпустили его на свободу, а сами с полной искренностью пришли послужить тебе”».

довольно «непринужденный»: «который... по их мнению (?), собирался скрыться в лесах, чтобы спастись от возмездия».

¹ Б. И. Панкратов переводит более чем прозаично: *nidunduriyen qaltu niurduriyen geriyeti* букв. «в глазах — огонь, в лице — свет».

Отец и сыновья одобрили эти слова Наяя. Таргутай-Кирилтуха отпустили в местности Хутхулууут, а сами — Ширугэту-эбугэн с сыновьями Алахом и Наяя — пришли к Чингис-хану. Чингис-хан спросил их: «Как случилось, что вы пришли?». Ширугэту-эбугэн сказал Чингис-хану: «Мы поймали Таргутай-Кирилтуха и направились сюда, чтобы выдать его тебе. Но по дороге подумали: “Как можем мы допустить, чтобы умертвили нашего законного владыку хана”. Эта мысль для нас была невыносима, и мы отпустили его, а сами пришли послужить тебе — Чингис-хану».

На это Чингис-хан ответил: «Если бы вы пришли сюда и силой привели своего хана Таргутая, то вы были бы истреблены со всем своим родом, как подданные, поднявшие руку на законного владыку — своего хана».

Правильно, что вы не забыли, кто ваш законный владыка — хан!» — сказал Чингис-хан и щедро наградил Наяя.

[§ 150]. После этого к Чингис-хану, который находился в местности Тэрсут, пришел, чтобы вступить в содружество, кэрэйтский Джаха-Ганбу. Как раз, когда он пришел, напали мэркиты, и Чингис-хан с Джаха-Ганбу отбили нападение. В это время пришли в подданство к Чингис-хану роды Тумэн Тубэгэн и Олон Дунхайт, принадлежавшие к рассеянному племени Кэрэйт.

Что касается до кэрэйтского Он-хана, то прежде, во времена Есугэй-хана, живя в полном взаимном согласии, Он-хан и Есугэй-хан заключили союз побратимства [анда].

А союз побратимства они заключили при следующих обстоятельствах. Он-хан убил младших братьев своего отца Хурчакхус-Буирух-хана. Поэтому началась распря между ним и его дядей Гур-ханом. Он-хан, потерпев поражение, укрылся в горах Хараун-Джидун. Выбравшись оттуда с сотней людей, он пришел к Есугэй-хану. Есугэй-хан принял его к себе, отправил свои войска¹, угнал Гур-хана в сторону местности Хашин, а его народ отдал Он-хану. Вот поэтому они и заключили союз побратимства.

[§ 151.] Потом Эркэ-хара, младший брат Он-хана, которого Он-хан, его старший брат, собрался убить, бежал и просил покровительства у найманского Инанча-хана. Инанча-хан послал войска против Он-хана. Он-хан бежал и путем, пролежавшим через три города², добрался до Хараки-тайского Гур-хана.

Затем он поссорился с Гур-ханом и пошел через уйгурские и тангутские города, питаясь тем, что доил пять коз, которых вел с собою, да пусквал кровь верблюду. Когда он, изнуренный, добрался до озера Гусэур-нур, Чингис-хан, не забывший, что между Он-ханом и Есугэй-ханом когда-то был заключен союз побратимства, отправил к Он-хану послов — Тахай-баатура и Сукэгай-донзуна. Сам Чингис-хан выступил ему навстречу с верховьями Кэрулэна. Видя, что Он-хан изнурен и истощен, Чингис-хан собрал с народа подать и дал Он-хану. Ввел его в свой стан и заботился о нем. Той зимой Чингис-хан кочевал вместе [с Он-ханом], и зимовали они в местности Хубахая³.

¹ Буквально. Перевод С. А. Козина — «сам выступил в поход».

² Речь идет, вероятно, о городах центрального и восточного Туркестана, но не о северном Туркестане, как полагает С. Калужинский [см. 12, с. 195]. Путь из южной Монголии в Чуйскую долину, по-видимому, пролегал через Турфан.

³ Ср. странный перевод С. А. Козина: «На эту зиму Чингис-хан расположился в урочище Хубахая, куда постепенно подкочевывал». Козин, наверное, неправильно перевел слово *jergeer* — «вместе».

[§ 152.] Потом младшие братья и нойоны Он-хана стали говорить: «У нашего хана и старшего брата безжалостный характер и предательское сердце¹. Он уничтожил своих братьев. Он сам ушел к кара-китайцам, а народ свой оставил страдать. Что нам теперь делать с ним?».

Если вспомним о прошлом, то, когда ему было семь лет, он попал в плен к мэркитам. Там, одетый в черно-пеструю² козлиную доху, в местности Буура-Кээр на реке Сэлэнгэ, толок в ступе зерно для мэркитов. После того, как отец его Хурчахус-Буирух-хан разгромил мэркитский народ и освободил из плена своего сына, он опять, когда ему было тринадцать лет, вместе со своею матерью был взят в плен татарским Аджай-ханом. Когда он пас там верблюдов, один пастух овец Аджай-хана взял его и бежал с ним к кэрэйтам³.

Потом, спасаясь от найманов, он бежал в Сартаулскую землю на реку Чуй к кара-китайскому Гур-хану. Не прошло и года, как он там рассорился с Гур-ханом и пошел, бедствуя, по уйгурским и тангутским землям, имея одного кривого буланого коня. А питался он тем, что доил пять коз, которых вел с собою, да пускал кровь верблюду.

Когда он пришел к сыну Тэмуджину, этот собрал с народа подать и дал ему на пропитание. А теперь он забыл, как отнесся к нему Тэмуджин, и замышляет недоброе.

«Что нам делать?» — говорили они.

Алтун-Ашух⁴ эти слова довел до сведения Он-хана.

Алтун-Ашух сказал: «Я ведь тоже участвовал в этом совещании, но я не смог изменить тебе, своему хану».

Тогда Он-хан приказал схватить совещавшихся младших братьев своих и нойонов — Элхутура, Хулбари, Арин-тайсэ⁵ и других. Из числа младших братьев — Джахаганбу сумел бежать и просил убежища у найман.

Пойманных⁶ привели в юрту, и Он-хан сказал им: «Что мы говорили друг другу, когда шли сюда по уйгурским и тангутским землям? Что мне думать о таких, как вы?». Он-хан плюнул им каждому в лицо и велел освободить их. Следуя примеру хана, все находившиеся в юрте встали и тоже плевали.

[§ 153.] Перезимовав зиму, в год собаки, осенью, перед сражением с Чаан-татар, Алчи-татар, Дутауг- и Алухай-татар — с четырьмя татарскими племенами в местности Далан-нэмургэс Чингис-хан постановил: «Если

¹ Б. И. Панкратов прав, когда переводит *hume gai helige* — «смердящая печень» — как «предательское сердце». Ср. совр. монг. *амхий санаа* — «подлые мысли» (букв.: «смердящие мысли»). В этом фрагменте — пример очень популярной, хотя и не полной аллитерации *ugei* «скудный»/*hume gai* «смердящий». Ср. совр. монг. поговорку: *үгээг үү айлаас эрдэмтэн гарна, амхий шавраас лянхуа дэлгэрнэ* («Из бедного айла выходит ученый, из смрадной грязи распускается лотос»).

² И «черно-пестрый» Б. И. Панкратова, и «черно-рябой» С. А. Козина — стилистические неточности. На самом деле *qara alaq* — «черно-пегий».

³ Из текста — *horquju irebe* («убежал и пришел») — можно понять, что пришел он все-таки домой, т. е. к керентам, однако слова «керент» в оригинале нет.

⁴ См. примеч. 10. *altan asuq* — от тюрк. *asuq* («бабка, альчик»).

⁵ В оригинале: *arin taize*. Монгольской адаптацией может быть *taidži* или *taiši*, но не «тайсе».

⁶ Здесь в оригинале *barias*, что можно понять как «схваченные, пойманные». В переводах других авторов [11; 13; 10] фигурируют «кандалы, путы» и проч. из кит. дословного перевода.

будем брать верх над врагом, то не следует останавливаться около добычи. После окончательной победы добыча все равно будет наша, и мы ее поделим. Если враг отобьет наше нападение, то мы должны возвращаться на исходные позиции. Тех, кто не вернется на исходные позиции, предадим смерти!».

В сражении над Далан-нэмургэс татары отступили. Преследуя их, [монголы] достигли улуса татар на реке Улхуй-шилугэлджит и там всех положили. Когда уничтожили знатных людей из Чахан-татар, Алчи-татар, Ду-таут-татар и Алухуй¹-татар, — Алтан, Хучар и Даритай вопреки постановлению Чингис-хана занялись грабежом добычи. Чингис-хан на основании того, что они нарушили постановление, отправил Джэбэ и Хубилая, чтобы они отобрали скот и другое награбленное имущество.

[§ 154.] Уничтожив и разграбив знатных татар, Чингис-хан собрал большой совет, чтобы решить, что делать с татарским народом. Для этого он созвал всех своих родичей в одну юрту и, советуясь, сказал им: «С давнего времени татары были убийцами наших дедов и отцов. Теперь настало время отомстить за наших дедов и отцов. Уничтожим всех татар ростом не ниже чеки! Вырежем их! А тех, кто останется, обратим в рабство! Разделим их между собой!».

Когда совет закончился и все выходили из юрты, татарин по имени Экэ-Чэрэн спросил у Бэлгутэя: «Что решили на совете?». Бэлгутэй сказал: «Решили всех вас вырезать, кто ростом не ниже чеки». Об этих словах Бэлгутэй Экэ-Чэрэн оповестил татар, и они укрылись в укреплениях. Чтобы взять эти укрепления, наши войска положили много сил и труда. Когда татар, оставшихся в живых в укреплениях, собирались убивать всех, кто ростом не ниже чеки, татары сговорились: «Давайте, пусть каждый из нас спрячет в руках нож и умрет на трупе врага»². И опять наши понесли большие потери.

Уничтожив татар, всех, кто ростом не ниже чеки, Чингис-хан повелел: «Бэлгутэй рассказал татарам о решении, принятом на великом совете наших родичей, поэтому наши войска понесли большие потери.

Теперь в будущем Бэлгутэй пусть не входит на заседания большого совета. До окончания совещания пусть он находится снаружи. Пусть он разбирает тяжбы по дракам, разбою и воровству. Пусть Бэлгутэй и Дааритай входят после того, когда совещание закончено и выпита круговая чаша»³ — таково было повеление.

[§ 155.] Вот тогда-то Чингис-хан и взял себе в жены дочь татарского Экэ-Чэрэна — Есугэн-хатун. Когда Чингис-хан ее ласкал, Есугэн-хатун сказала: «У меня есть старшая сестра. Она лучше меня. Она достойна хана. Недавно выдана замуж. Теперь, во время этих беспорядков, не знаю, куда убежала». На эти слова Чингис-хан ответил: «Если твоя старшая сестра красивее тебя, то я велю ее разыскать. Но если твоя сестра придет сюда, то ты уступишь ли ей свое место?».

¹ Должно быть *алухай*, как в начале параграфа.

² Здесь можно было бы и воспроизвести монгольский фразеологизм «умереть, взяв подушку» (т. е. вместе со своим врагом), который неоднократно встречается в «С. С.» Ср. также § 149, где Б. И. Панкратов пишет «умру-ка я, взяв с собою подстилку (т. е. убив своего врага)».

³ В оригинале *otoq* (совр. *отөз*) — «гуша кумыса». Речь идет, вероятно, не о «круговой чаше», а о «последней чаше» — «посошке», когда на дне бурдюка не остается уже ничего, кроме гуши.

Есугэн-хатун сказала: «С соизволения хана, как только я увижу сестру, я тотчас уступлю ей свое место».

Тогда Чингис-хан отдал приказ о поисках, и наши воины нашли ее бродившей по лесу вместе с мужем.

Муж убежал, а Есуй-хатун схватили и привели. Есугэн-хатун, как только увидела свою старшую сестру, тотчас же, во исполнение своего обещания, встала и посадила ее на свое место, а сама села ниже.

Есуй-хатун вполне соотвествовала тому, что говорила Есугэн-хатун. Есуй-хатун понравилась Чингис-хану, он взял ее в жены и посадил рядом с собой.

[§ 156.] После разгрома татарского народа Чингис-хан однажды сидел снаружи юрты и выпивал. Он сидел между Есуй-хатун и Есугэн-хатун и пил вместе с ними. В это время Есуй-хатун вдруг глубоко вздохнула. Чингис-хан обратил на это внимание и, позвав к себе Боорчу и Мухали, сказал им: «Пусть все собравшиеся здесь разобьются по аймакам, пусть каждый встанет в группу своего аймака. Тогда ясно выявятся все чужие, не принадлежащие к нашим аймакам».

Когда все встали, разделившись на аймаки, остался один ловкий, красивый молодой человек. Когда его спросили, кто он такой, молодой человек ответил: «Я муж Есуй, дочери татарского Екэ-Чэрэна. Когда враги напали, я испугался и спрятался. Теперь же, видя, что все успокоилось, я подумал, что меня никто не признает среди такого множества народу, и потому пришел сюда».

Об этих словах было доведено до сведения Чингис-хана, который соизволил повелеть: «Это же замышлявший недоброе наш враг. Он пришел что-то у нас высмотреть. Таких, как он, мы уже подгоняли под высоту колесной чеки. Чего долго раздумывать, уберите его с глаз долой!».

И его тут же обезглавили.

[§ 157.] В тот самый год собаки, когда Чингис-хан ходил походом на татар, Он-хан напал на мэркитов. Он преследовал Тохтоа-бэки, бежавшего в сторону Баргуджин-токума, убил старшего сына Тохтоа — Тогусбэки, забрал Хутухтай и Чаарун — дочерей Тохтоа и жен его, полонил народ его и его двух сыновей Хуту и Чилауна, но Чингис-хану из добычи на дал ничего.

[§ 158.] После этого Чингис-хан и Он-хан отправились в поход против Буирук-хана найманского. Буирук-хан не мог им противостоять, отступил из местности Сохок-усун на Улуг-таге, где его настигли Чингис-хан и Он-хан, и пошел через Алтай. Чингис-хан и Он-хан гнали его вниз по реке Урунгу. Здесь взяли в плен его военачальника Едитублуха, который шел со сторожевым охранением. Преследуемый нашими разъездами, он хотел бежать в горы, но был пойман, так как у его коня порвалась подпруга. Преследуя Буирук-хана вниз по реке Урунгу, [мы] догнали его около озера Кишил-баши и там покончили с ним.

[§ 159.] Когда Чингис-хан и Он-хан возвращались оттуда, найманский Коксэу-Сабрах расположил войска в местности Байдарах-Бэлчир и приготовился к бою. Чингис-хан и Он-хан, прибыв туда, решили сражаться и расположили свои войска в боевом порядке, но так как было уже поздно, то отложили сражение до следующего дня и ночевали в боевом порядке. В это время Он-хан приказал зажечь костры на месте стоянки своих

войск и, воспользовавшись ночной темнотой, ушел со своими войсками вверх по реке Хара-сэул.

[§ 160.] Вместе с Он-ханом пошел и Джамуха. Он сказал Он-хану: «Мой побратим Тэмуджин давно уже обменивается посланцами с найманами. Теперь он не пошел с нами. Я-то все равно что ласточка¹, которая остается там, где ее гнездо, а вот мой побратим — это жаворонок, который стремится улететь. Он готов перейти к найманам и остался там, чтобы поддаться им». На эти слова Джамухи Убчихтай Гурин-баатур возразил: «Как можно из угодничества так позорить своего доброго брата?»².

[§ 161.] Чингис ночевал на том же месте. Когда рассвело, он, готовившись к сражению, увидел, что Он-хана нет на месте стоянки. Тогда Чингис-хан сказал: «Должно быть, он хотел, чтобы мы здесь сварились, как в котле»³. С этими словами Чингис-хан отправился в путь. Он перешел через перевал⁴ Эдэр Алтай и, все время двигаясь в одном направлении, дошел до Саари-кээр, где остановился и расположился лагерем⁵.

[§ 162.] Коксэу-Сабрах бросился преследовать Он-хана. Он захватил в плен жен и детей Сэнгума вместе с их народом и имуществом. Кроме того, он захватил половину народу, скота и запасов пищи Он-хана, которые находились в местности Тэлэгэту-алсар.

Перед этими событиями⁶ двое сыновей мэргитского Тохтоа — Хуту и Чилаун — находились у Он-хана. Теперь они, забрав своих людей, отделились от Он-хана и пошли вниз по течению реки Сэлэнгэ на встречу со своим отцом.

[§ 163.] Ограбленный Коксэу-Сабрахом, Он-хан отправил посланца к Чингис-хану. Отправляя посланца, Он-хан поручил ему сказать Чингис-хану: «Мой народ, мои жены и дети захвачены в плен найманами. Я посылаю к тебе гонца, чтобы просить у тебя твоих четырех “богатырей”, которые спасут и вернут мне мой народ».

Тогда Чингис-хан собрал войска и отправил своих четырех богатырей: Боорчу, Мухали, Борохула и Чилаун-баатура. До того, как прибыли эти четыре богатыря, Сэнгум уже вступил в бой в местности Хулаан-хут. Его лошадь была ранена стрелой в голень. Сэнгума враги хотели уже схва-

¹ В оригинале *qaiyuruqana*, что ближе всего к монг. *хайлгана* — «чайка» (как и переводит С. А. Козин).

² Точнее у С. А. Козина: «своих братьев» — *aqa deu uyen*.

³ В оригинале: *ede ci bidani tulesiun ajuu* («они тебя и нас сожгут»).

⁴ *belcir* может быть «пастищем», но никак не «перевалом». Однако сомнительный китайский перевод *гу коу* (2) можно понять как «ущелье», «перевал» или «вход в долину».

⁵ Пропущен перевод фразы *tendece cinggis qaqaq qarar qoyar naimanu tubuudi uqaju harana ese toolai*. Приемлем перевод С. А. Козина: «Вскоре Чингис-хан с Хасаром узнали, каких хлопот наделали найманы, но никому (точнее: “холопам”) об этом не говорили».

⁶ В переводе Б. И. Панкратова — еще одна версия передачи загадочного сочетания *tere soortur*. По данному и сходному с ним контексту из § 172 — *soor colotur* — можно судить, что речь идет о каком-то процессе или промежутке времени. Варианты переводов: «во время сражения» [13; 10] — очевидно, по китайскому пословному переводу *инь доу- инь доу* (3) — «ввязать(ся) в драку»; «при удобном случае» [5; 6, с. 102]. Ш. Гадамба настаивает на том, что здесь — фонетический вариант слова *хооронд* (монг., бур.) «в промежутке [времени]» [7, с. 495]. Но эта гипотеза неприемлема с точки зрения исторической фонетики. Столь же неприемлемы и такие фантастические переводы, как, напр., у С. А. Козина: «пользуясь таким их несчастьем».

тить, как подоспели четыре богатыря и спасли его. Они освободили также и возвратили ему полностью народ и имущество, жен и детей.

Тогда Он-хан сказал: «В прошлом его почтенный отец вот так же возвратил мне мой рассеявшийся народ. Теперь, снова, четверо богатырей моего сына пришли мне на помощь, чтобы вернуть мне мой народ. Клянусь покровительством и помощью Неба и Земли, что я отплачу ему за такие благодеяния!».

[§ 164.] Он-хан еще сказал: «Однажды мой побратим Есугэй-баатур пришел мне на помощь и вернул мне мой народ. Мой сын Тэмуджин теперь опять пришел мне на помощь и вернул мне мой народ. И вот теперь я озабочен: кому передать этот народ, который собрали и вернули мне эти отец и сын? Я уже стар. Я состарился до того, что меня уже пора хоронить на высоком месте¹. Я подряхлел до того, что меня пора уже отнести на крутую гору! А кто же будет ведать всем народом? Мои младшие братья — люди никудышные. У меня есть сын Сэнгум, но один-единственный, а это все равно, что и нет сына. Если я сделаю моего сына Тэмуджина старшим братом Сэнгума, то у меня будет двое сыновей, и я буду спокоен!».

Он-хан встретился с Чингис-ханом в Черном лесу на реке Тула, и там они уговорились называть друг друга отцом и сыном. Причина, по которой они стали называть друг друга отцом и сыном, такова. Он-хан был побратимом Есугэй-баатура, отца Чингис-хана, а потому он и был для Чингис-хана как бы отец. Это и было причиной, по которой они стали называть друг друга отцом и сыном. Они произнесли следующие слова: «В войне с многочисленными врагами будем ратовать вместе. В облавах на диких зверей будем охотиться вместе». Чингис-хан и Он-хан еще сказали друг другу: «Если из зависти зубастая змея клеветы будет возбуждать нас друг против друга, не будем верить клевете. Поверим лишь тогда, когда встретимся и объяснимся. Если будет возбуждать нас друг против друга клыкастая змея злобы, не будем злобиться, а поверим лишь тогда, когда друг с другом переговорим».

Когда они окончили эти речи, они стали жить в дружбе и согласии.

[§ 165.] Чингис-хан подумал: «Надо бы еще удвоить наши дружеские отношения» — и попросил в жены для Джочи² младшую сестру Сэнгума — Чаур-бэки. Святая ее, Чингис-хан сказал: «Я в обмен отдам нашу Ходжин-бэки в жены Тусахе, сыну Сэнгума». Но Сэнгум, считая себя очень знатным, сказал: «Когда наша родня поедет к ним, то она будет сидеть у порога и смотреть в передний угол. Когда же их родня придет к нам, то она будет сидеть в переднем углу и смотреть в дверь». И так, считая себя очень знатным и говоря о нас с пренебрежением, он не дал согласия и не отдал Чаур-бэки.

¹ Характерная проблема для перевода. По монгольскому обычаю умерших оставляли в скалах, в малодоступном месте. Поэтому перевод выражения оригинала *undudu qaruaṣu* «выйду на вершину» в любом случае требует пояснений. Панкратовское «хоронить на высоком месте» не вполне отражает особенности монгольского обряда, а козинское «взойду на горы» — передает букву, а не смысл подлинника.

² Вероятно, правильное все-таки «Джучи», по традиции передавая монгольское *o* русским *y* (напр.: *Урга* от монг. *Өргөө*). Мы реконструируем *jōci* по финали иероглифа *tsue* (4) в китайской транскрипции первого слога согласно [9, с. 262].

Услышав такие слова Сэнгума, Чингис-хан охладел к Он-хану и Нилха Сэнгуму.

[§ 166.] Об этом охлаждении узнал Джамуха. В год свиньи, весною, Джамуха, Алтан, Хучар, Харакида и Эбугэджин-Ноякин, Сугээтэй-Тоорил и Хачиун-бэки, посоветовавшись, отправились в путь и пришли в местность Бэркэ-Элэт, на северной стороне горы Джэджээр-Ундур, где кочевал Нилха Сэнгум. Джамуха начал клеветать: «Мой побратим Тэмуджин в словоре с Даян-ханом найманским и обменивается с ним посланцами. На языке у него постоянно слова “отец” и “сын”, но на самом деле его намерения совсем другие. Неужели ему можно доверять? Если вы не нападете на него первым, то с вами все может случиться. Если вы выступите в поход против моего побратима Тэмуджина, то я одновременно нападую на него с фланга».

Алтан и Хучар сказали: «А что касается сыновей Хоэлун Экэ, то мы убьем старшего и отдадим тебе младших, чтобы ты с ними покончил».

Эбугэджин-Ноякин Хардаат сказал: «Я схвачу его за руки, я наступлю ему на ноги и отдам тебе».

Тоорил ответил: «Будет лучше, если пойдем и завладеем народом Тэмуджина. Когда его народ будет захвачен, что он будет делать?».

Хачиун-бэки сказал: «Нилха Сэнгум, сын мой! Что бы ты ни надумал, я пойду с тобой на высокие вершины и в глубокие пропасти».

[§ 167.] После этих слов Нилха Сэнгум отправил Сайхан Тодэна, чтобы повторить все сказанное Он-хану, его отцу. Когда ему повторили все сказанные слова, Он-хан сказал: «Как можете вы думать так о моем сыне Тэмуджине? Мы теперь доверились ему¹, и не будет нам милости Неба за такие злые мысли против Тэмуджина. У Джамухи язык мелет без разбора². И Он-хан отправил посланца назад, не дав своего одобрения.

Тогда Сэнгум снова послал гонца к нему со следующими словами: «Если каждый человек, у которого есть рот и язык, говорит так, то почему же нам не верить?».

Но так как Он-хан отправил гонца обратно с теми же словами, Сэнгум лично отправился к отцу и сказал: «Даже теперь, когда ты еще жив, он нас ни во что не ставит. А что же будет, когда ты умрешь? Оставишь ли ты мне управление народом, который с таким трудом был собран твоим отцом Хурчахус-Буирук-ханом? Кто будет править народом?».

На это Он-хан ответил: «Как я могу забыть своего собственного сына, свое родное дитя? Но так как мы до сего времени доверялись ему, как же можно злоумышлять против него? Небо откажет нам в своем покровительстве».

При этих словах Нилха Сэнгум, сын его, рассердился, откинул войлочную занавеску двери³ и вышел. Проникнутый любовью к сыну, Он-хан позвал его обратно и сказал: «Я думаю только, чтобы Небо не лишило нас своего покровительства, а своего сына я не могу покинуть. Делайте, что хотите, решайте сами».

¹ Представляется, что здесь точнее перевод С. А. Козина: «Ведь он доселе служит нам опорой». Убедительный анализ этого фрагмента дал Ш. Гаадамба [7, с. 340].

² Пропущен перевод фразы *jobui tabuu ugulen buyu* — «правду или неправду говорит?».

³ В оригинале: «открыл дверь». Перевод Б. И. Панкратова производит впечатление буквального, но на самом деле это — этнографический комментарий.

[§ 168.] Сэнгум сказал: «Они просили у нас отдать им Чаур-бэки. Теперь назначим день, пригласим их такими словами: Приезжайте на сговорный пир — и тогда мы их захватим». Он сказал так, и все согласились, сказав «да». Решив так, Сэнгум отправил гонца, чтобы тот сказал: «Мы отдаем Чаур-бэки. Приезжайте на сговорный пир!».

Когда Чингис-хан получил приглашение, он отправился с десятью сопровождающими. На пути они ночевали у отца Мунлика. Отец Мунлик сказал: «Когда мы просили у них Чаур-бэки, они отнеслись к нам с презрением и не отдали ее. Как же теперь они приглашают нас на сговорный пир? Почему эти люди, которые так кичатся своею знатностью, теперь приглашают нас и говорят: “Мы ее вам отдадим”. Следует разузнать, все ли тут как следует. Сын мой, надо действовать, хорошо подумавши. Пошлем гонца с извинениями, говоря: “Сейчас весна. Наши кони тощи. Мы откармливаем наших коней”».

Чингис-хан послушался и не поехал, а отправил Бухатая и Киратая, сказав им: «Присутствуйте на сговорном пире». Сам Чингис-хан вернулся к себе из жилища отца Мунлика. Когда Бухатая и Киратая прибыли на пир, Сэнгум и его приближенные сказали: «Нас разгадали. Завтра утром мы окружим и захватим в плен Тэмуджина».

[§ 169.] После того, как решили завтра утром окружить и захватить Тэмуджина, младший брат Алтана, Екэ-Чэрэн пришел к себе домой и сказал: «Мы все вместе решили завтра утром поймать Тэмуджина. Чего только не сделал бы Тэмуджин для человека, который сообщил бы ему эти слова!». На это жена его Алахит возразила: «Зачем ты зря болтаешь! А что если кто-нибудь из наших людей примет твои слова всерьез?». Когда она так сказала, один из табунщиков по имени Бадай, который в это время принес молоко, услышал слова Екэ-Чэрэна и ушел. Вернувшись к табуну, он рассказал своему товарищу, табунщику Кишлиху о том, что сказал Екэ-Чэрэн. Кишлих сказал: «Я пойду и еще разузнаю» — и он отправился к жилищу Екэ-Чэрэна. Сын Екэ-Чэрэна по имени Нарин Кээн сидел у порога и оттачивал стрелы. Он сказал: «Кому бы из наших домашних отнять язык и заткнуть рот, чтобы он не говорил о том, о чем мы только что толковали?». Потом Нарин Кээн еще сказал своему табунщику Кишлиху: «Поймай, приведи и привяжи к коновязи двух коней: Мэркидай-чаана и Аман-чаан-кээра. Я... на рассвете должен ехать». Кишлих ушел и сказал Бадаю: «Твои слова подтвердились. Теперь давай поедем и навестим Тэмуджина»¹. Когда они кончили разговор, они поймали двух коней: Мэркидай-чаана и Аман-чаан-кээра, привели и привязали. Когда наступил вечер, они закололи барашка у себя в юрте и сварили на дровах, наколотых из их кровати. Затем они сели на Мэркидай-чаана и Аман-чаан-кээра, которые были в готовности, они выехали ночью, ночью же прибыли к Чингис-хану, и, стоя снаружи, с северной стороны юрты, Бадай и Кишлих доложили ему о своем приезде. Они рассказали все, о чем говорил Екэ-Чэрэн и о том, что Нарин Кээн, когда он сидел и оттачивал стрелы, сказал: «Поймайте и привяжите Мэркидай-чаана и Аман-чаана-

¹ В оригинале сказано более определенно: *temujine kelen gurgen yorcija* — «пойдем и скажем Тэмуджину».

кээра». Бадай и Кишлик сказали еще: «С позволения Чингис-хана мы должны сказать, что они решили окружить тебя и схватить»¹.

Часть VI

§ 170. Когда ему так рассказали, Чингис-хан, вполне доверяя словам Бадаю и Кишлика, в ту же ночь предупредил доверенных людей, которые находились при нем, бросил все имущество и ночью бежал. Он пошел северной стороной горы Мао-ундур. Урянхадайскому Джэлмэ он поручил тыл по горе Мао-ундур и оставил также позади себя арьергард, а сам направился дальше. Продвигаясь вперед, на другой день, когда солнце перешло уже за полдень, он прибыл в местность Халахалджин Элэт и там встал лагерем на отдых. Во время отдыха Чигидай и Ядир, которые пасли лошадей Алчидаю, выбирая прогалинки с зеленой травой, заметили пыль, поднятую врагами, подходившими через урочище Хулаан-бургат. Уверившись, что это действительно враги, Чигидай и Ядир тотчас же погнали лошадей к лагерю. Узнав от них о приближении врагов, Чингис-хан отправил разведку. Установили, что за ними гонится Он-хан, войско которого направляется через урочище Хулаан-бургат, подымая пыль по северной стороне горы Мао-ундур. Чингис-хан, увидев поднявшуюся пыль, тотчас же приказал поймать и заседлать лошадей и уехал. Никто и не заметил, как враги приблизились. Когда прибыл Джамуха, он поехал вместе с Он-ханом. Он-хан спросил у Джамухи: «Кто из окружающих моего сына Тэмуджина может действительно вступить с нами в бой?». Так он спросил. Джамуха отвечал: «У него есть люди, которые зовутся урууты и мангуты. Эти люди его сражаются очень хорошо. В пылу битвы они не теряют строя, в жаркой схватке они соблюдают порядок. Это люди, которые с малых лет привыкли к копью и мечу. Это у них черные и пестрые знамена. Это такие люди, которых следует остерегаться». На это Он-хан сказал: «Если так, то мы выставим против них Хадаха с его храбрыми джиргинцами. За джиргинцами мы поставим Ачих-Шируна с его тумэн-тубэгэнами. За тубэгэнами мы поставим храбрецов олон-дунхаитов. За дунхаитами пусть следует тысяча турхаутов Он-хана, возглавляемая Хори-Ширэмун-тайджи. Позади тысячи турхаутов расположится наша главная рать». Он-хан сказал еще: «Мой младший брат Джамуха, ты командуй нашей армией!». При этих словах Джамуха отъехал в сторону и сказал своим товарищам: «Он-хан говорит мне, чтобы я командовал его войсками. Я же никак не способен сражаться против моего побратима. Раз Он-хан просит меня командовать его войсками, это значит, что он еще менее способен, чем я. Ну и сотоварищ у меня! Я предупрежу побратима. Пусть побратим примет меры предосторожности!». Сказав это, Джамуха тайно отправил гонца предупредить Чингис-хана такими словами: «Он-хан спросил меня: "Кто из окружающих моего сына Тэмуджина может действительно всту-

¹ Неверно понято по синтаксису: слово «Чингис-хан» связано с глаголом «схватить» (прямое дополнение), это — не подлежащее для сказуемого *soyurqaasu* — слово гонорифического значения — «если соизволить доложить». Таким образом, более точный перевод будет таким: «[они] решили, сомнений нет, окружить и схватить Чингис-хана, если позволено будет так выразиться». Эта концовка отражает, по-видимому, известное табу личных имен в прямом общении.

пить с нами в бой?”. Я сказал: “Во главе у него находятся урууты и мангуты”. Так я сказал. После этих моих слов он решил поставить впереди, во главе атакующих, джиргинцев. За джиргинцами, он сказал, должен следовать Ачих-Ширун со своими тумэн-тубэгэнами. [За тубэгэнами, он сказал, должны идти олондунхайты.] За дунхайтами, он сказал, должен идти Хори-Ширэмун-тайджи, командир тысячи турхаутов Он-хана. Позади их, он сказал, будет стоять сам Он-хан со своею главной ратью. Потом Он-хан сказал: “Младший брат Джамуха, ты командуй нашей армией”. Сказав так, он возложил на меня управление войском. Если судить по этому, то хороший же у меня сотоварищ! Как могу я командовать его войсками? Я никогда не был способен сражаться против моего побратима, а Он-хан еще менее способен, нежели я. Побратим, не бойся! Будь бдительным!». Вот с какими словами он отправил гонца.

[§ 174.] Тут пришел к Чингис-хану Хадаан-Далдурхан, оставивший у Он-хана своих жен и детей. Придя, он рассказал об Он-хане следующее. Когда Сэнгум был ранен стрелою в румяную щеку и упал с лошади и когда воины обступили его, Он-хан сказал: «Кого нельзя раздражать — раздражили. С кем нельзя драться — подрались! Бедному моему сыну в щеку гвоздь вбили. Остался мой сын живым, пусть теперь еще попытается!». Ачих-Ширун сказал: «Хан, хан, перестань! Когда мы хотим иметь сына, то молимся и приносим жертвы. Мы обращаемся к божествам с призываниями: “а буй, ба буй!”. Позаботься же о своем сыне Сэнгуме, который у тебя уже есть. Большинство монголов у нас с Джамухой, Алтаном и Хучаром. Те же монголы, которые ушли с Тэмуджином, не имеют пристанища. Куда они пойдут? У каждого из них есть только лошадь, на которой он сидит, а прикрытием им служат деревья. Если они сами не придут к нам, мы приведем их, мы соберем их, как собирают конский помет в полу халата». На эти слова Ачих-Шируна Он-хан сказал: «Мой сын, наверно, утомлен. Не трясите его при переноске». Сказав это, Он-хан приказал уходить с поля сражения. Так рассказал Хадаан-Далдурхан.

Часть VII

§ 186. Когда Чингис-хан разгромил народ кэрэитов, он распорядился раздать его своим сподвижникам. Сто семей из рода Джиргин получил Тахай-баатур сулдэсский. Тулуй получил Сорхах-Тани-бэки, младшую из двух дочерей Джаха-Гамбу, брата Он-хана. Старшую же, по имени Ибаха-бэки, взял себе. По этой причине он не позволил лишить Джаха-Гамбу его поданных.

§ 187. Чингис-хан еще соизволил сказать: «За услугу, оказанную Бадаем и Кишликом, пусть они получают большой золотой шатер¹ Он-хана со всем, что в нем находится: с золотой винницей и сосудами, а также и со всеми прислуживающими там людьми. Пусть род Онходжит из кэрэитов будет у них телохранителями. Пусть Бадай и Кишлик носят колчан и

¹ В 1941 г. Б. И. Панкратов так пояснил выражение «золотой шатер» в § 184 «Юань-чао би-ши»: «Тэрмэ по-монг[ольски] название шерстяной ткани, из которой делают тибетцы свои палатки. Кто были тангуты [?] — тибетцы. Давно ли юрта в Монголии? Кто знает... а тибетцы живут в палатках уже испокон веков...» [АВ, ф. 145, оп. 1, ед. хр. 213, л. 46—47].

стрелы, пьют чару на пиру хана и пусть их род из поколения в поколение будет дарханами. В военных походах пусть они пользуются полностью военной добычей. На охоте, в облавах пусть они пользуются полностью убитым зверем!». И еще он добавил: «Благодаря услуге, оказанной мне Бадаем и Кишликом, благодаря их услуге, которая спасла мне жизнь, я с помощью Вечного Неба разбил народ кэрэйтов и достиг великого сана. Пусть же потомки мои на троне из поколения в поколение хранят в памяти оказавших эту услугу!». Кэрэйтвов разделили полностью. Тумэн-ту-бэгэн[ов] раздали всех. Олон-дунхайтов забрали за один день. А с кровожадными разбойниками джиргинцами-храбрецами так и не могли покончить. Истребив так народ кэрэйт, Чингис-хан ту зиму зимовал в степи Абджия-кодээри.

[§ 194.] Когда караульные докладывали эти слова, Таян-хан находился на реке Хачир-усун в Ханхайе. Получив это известие, он послал сообщить своему сыну Кучлук-хану следующее: «Монгольские кони тощи, но огней у них так много, как звезд на небе. Значит, монголов много. Если мы сейчас с ними схватимся, то, пожалуй, трудно будет оторваться от них. Говорят, что эти монголы так тверды, что коли им в щеку, они не посторонятся, ткни им в глаза, они не моргнут. Их не заставить отступить даже тогда, когда струится их кровь. Если сейчас мы вступим с ними в сражение, то потом, пожалуй, не одолеем. Сообщают, что у монголов кони тощи. Давайте, поднимем народ и переправим его на ту сторону Алтая. Войска же приведем в боевую готовность и будем завлекать монголов. Когда мы дойдем до Южного Алтая, то наши кони откормятся, а монголы и их кони изнурятся. Тогда-то мы и нападём на них с фронта». Выслушав эти слова, Кучлук-хан сказал: «Ну, что за баба этот Таян! Он говорит это потому, что у него сердце в пятки уходит. Это множество монголов откуда появилось? Ведь большинство монголов находится здесь у нас вместе с Джамухой. Эта баба Таян, который не отдалялся от дому на столько, на сколько отходит беременная женщина, чтобы помочиться, или на сколько отходит от колеса привязанный к нему теленок на своем пастбище¹, Таян, у которого сердце в пятки ушло, может говорить такие речи!». С такими язвительными словами он отправил гонца к отцу. Таян-хан, услышав, что сын обзывает его бабой, сказал: «О сильный и храбрый Кучлук! Пусть тебя не покинет эта храбрость в день нашей схватки с врагами. Схватиться с ними мы можем, но сможем ли потом от них оторваться?». На эти слова Таян-хана сказал управитель его, великий нойон Хорису-бэчи: «Твой отец, Инанча-билгэ-хан, не показывал врагу ни богатырской спины, ни конского крупа. Чего же заранее пугаешься? Если бы мы знали, что у тебя такой трусливый характер, так мы лучше отдали бы управление войском твоей матери, хотя она и женщина! Состарился Коксэу-Сабрах! Как плохо командуют теперь нашим войском! Должно быть, настала счастливая судьба для монголов! Похоже, что Торлук Таян идет к гибели!». Ударив по колчану, он повернул коня и ускакал.

[§ 195.] Тут Таян-хан рассердился и сказал: «Когда умирают — уходит жизнь, когда страдают — терпит тело, — это одно и то же. Раз так, то будем сражаться!». Сказав эти слова, он снялся с реки Хачир-усун и пошел

¹ Вариант перевода 1941 г.: «на расстояние, которое отведено теленку, привязанному к колесу телеги, чтобы пастись» [там же, л. 54].

вниз по реке Тамир, переправился через реку Орхон, прошел по восточной стороне горы Наху-кун и достиг местности Чакир-маут. Когда дозоры сообщили Чингис-хану о приближении найманов, Чингис-хан соизволил сказать: «Убытку бывает от многого — много, от малого — мало» — и двинулся с войском навстречу врагу, преследуя дозоры найманов. Войска были приведены в боевой порядок, и воины говорили друг другу: «Мы шли в боевом порядке — харагана, — мы построились в боевом порядке — наур, — мы будем биться в боевом порядке — шиучи!»¹. Чингис-хан сам пошел в авангарде, Хасару поручил ведать центром, а Отчигин-нойону приказал ведать заводными конями. Найманы отступили от Чакир-маут и встали по краю переднего склона горы Наху-кун. Наши дозоры, преследуя дозоры найманов, подогнали их к главным силам, находившимся на переднем склоне горы Наху-кун. Таян-хан, увидав преследование своих дозоров, обратился к Джамуху, который находился при нем, так как принимал участие в походе найманов. Таян-хан спросил Джамуху: «Кто они, преследующие наших, как волки, гонящие стадо овец к овчарне? Что это за люди, которые так гонят?».

Джамуха отвечал: «Мой побратим Тэмуджин имеет четырех псов, которых он откармливает человеческим мясом, привязав на железной цепи. Вот они-то как раз и преследуют наши дозоры. У этих четырех псов медные лбы, зубы — как долота, языки — как шилья, железные сердца, сабли вместо плеток. Они питаются росой, ездят верхом на ветре. В дни битв они едят человеческое мясо, в дни схваток им пищей служит человечина. Теперь их спустили с цепи, и они, ничем не сдерживаемые, радуются, и у них текут слюни. Эти четыре пса: Джэбэ и Хубилай, Джэлмэ и Субээтэй». Таян-хан сказал: «Раз так, то будем подальше держаться от этих презренных людей!» — и с этими словами отступил и расположился выше на горном уступе. Увидя преследующих его сзади всадников, Таян-хан спросил опять Джамуху: «А кто эти воины, похожие на жеребят, которые, насосавшись молока, бегают и резвятся вокруг своих маток?». Джамуха отвечал: «Это урууты и мангуты — кровожадные грабители, преследующие каждого мужчину с копьем, разбойники, убивающие каждого мужчину с мечом. Это они так радостно скачут, приближаясь к нам». Таян-хан сказал: «Раз так, то будем держаться подальше от этих презренных людей» — и с этими словами поднялся выше на гору. «А кто же это следует за ними, вырываясь вперед, как голодный сокол?» — спросил Таян-хан у Джамухи. Джамуха отвечал: «Это мой побратим Тэмуджин. Весь он закован в медную броню так, что негде уколоть даже шилом. Закован в железо так, что негде уколоть даже иглой. Разве вы не видите? Это он летит, как голодный сокол. Друзья найманы, не вы ли говорили, что только бы вам увидеть монголов, а уже тогда от них не останет даже столько, сколько кожи на копытцах козленка? Так теперь смотрите же, вот они!». Тогда Таян-хан сказал: «Страшно! Подъемемся выше на гору!». Они поднялись и остановились. Опять Таян-хан спросил: «А кто же это идет позади Тэ-

¹ Перевод и примечание 1941 г.: «Пойдем сомкнутыми рядами (походным порядком, подобно зарослям трав, пойдем). Встанем развернутым строем (строем, как море, выстроимся). Ударим сокрушительным ударом (битву “долота” будем биться)”. Здесь надо не забывать о военном искусстве джурдженой, учениками к[ото]рых были монголы, и о чурчжене-китайской военной терминологии» [там же, л. 56 об.]

муджина со множеством войска?». Джамуха ответил: «Хоэлун-экэ одного из сыновей кормила человеческим мясом. Ростом он в три маховых сажени. Съедает он зараз трехлетнюю телку. На нем одета броня в три слоя, а везут его три быка. Он может проглотить целиком человека с луком и стрелами, и у него он не застрянет в горле. Он может съесть целого человека и не утолит голода. Когда он рассердится и пустит свою стрелу “анхуа”, то насквозь прострелит десять-двадцать человек, которые находятся по ту сторону горы. Когда он с кем рассорится, то, пустив свою стрелу “кэйбур”, насквозь прострелит человека, находящегося по ту сторону степи. Когда он сильно натянет лук, то стреляет на 900 сажен, когда слабо натянет — стрела летит на 500 сажен. Он родился не от человека, а от чудовища “Гурэлгу”. Зовут его Джочи-Хасар». Тогда Таян-хан сказал: «Раз так, то давай подниматься выше на гору!». Поднявшись выше, Таян-хан опять спросил у Джамухи: «А кто же идет позади его?». Джамуха отвечал: «Это Отчигин, младший сын Хоэлун-экэ. Он славится своею храбростью. Рано ложится, поздно встает. Но от других в бою он не отстанет, в боевые ряды не опаздывает». Таян-хан сказал: «Ну, раз так, то подыдемся на вершину горы!».

[§ 196.] Джамуха, сказав все это Таян-хану, отделился от найманов и послал к Чингис-хану гонца со словами: «Передай моему побратиму: “Таян-хан, напуганный моими словами, бежал на гору. Убитый моими словами, он полез на гору. Побратим, обрати внимание! Они ведь полезли на гору! У них уже нет духа сопротивляться. Я от найманов отделился”». С такими словами он послал гонца. Так как было уже поздно, то Чингис-хан заночевал, оцепив войсками гору Наху-кун. Ночью найманы пытались бежать. Они падали с горы Наху, валились один на другого, разбивались вдребезги, давили друг друга. На утро поймали измученного до крайности Таян-хана. Так как Кучлук находился отдельно от отца, то ему удалось бежать с небольшим количеством людей. Он хотел стать лагерем на реке Тамир, но, видя, что его преследуют, не остановился, а бросился бежать дальше. Вот так был доведен до крайности и полонен найманский народ на подходах к Алтаю. Тут же подчинились нам племена джадаран, хатагин, салджиут, дорбэн, тайчиут и унгират, которые были с Джамухой. Когда к Чингис-хану привели Гурбэсу, мать Таян-хана, Чингис-хан сказал: «Не ты ли говорила, что от монголов плохо пахнет? Зачем же ты пришла?». И взял ее в жены.

ПРИЛОЖЕНИЕ*

В полном же монгольском тексте § 216 сказано следующее:

«Затем Чингис-хан сказал Усун Эбугэну: “Усун, Гуанан, Коко Шос и Дэгэй — эти четверо [никогда] не скрывали и не утаивали того, что они видели и слышали, [а постоянно] доводили до [моего] сведения. [Все] свои соображения и мысли [они всегда] предлагали на мое рассмотрение.

* Из статьи Б. И. Панкратова «К вопросу о переводе 216 параграфа Сокровенного Сказания» [АВ, ф. 145, оп. 1, ед. хр. 116, л. 10].

По монгольским правилам для линии нойона¹ есть обычай становиться бэки.

[Усун Эбугэн] — потомок старшего в роде Барин.

Линия бэки у нас [идет] издревле.

Пусть Усун Эбугэн станет бэки.

Теперь, когда его возвели в бэки, пусть он носит белую одежду (он может, имеет право), пусть ездит верхом на белом мерине (может, имеет право), пусть ему оказывают почет, сажая на первое место, и пусть так будет из года в год, из месяца в месяц². Таково было распоряжение [Чингис-хана].».

Публикация Ю. Л. Кроля и Е. А. Кузьменкова

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Козин С. А. Сокровенное сказание. М.; Л., 1941.
2. Панкратов Б. И. Образцы переводов из «Юань-чао би-ши» / Подгот. к печ. и предисл. Ю. Л. Кроля // *Mongolica: К 750-летию «Сокровенного сказания»*. М., 1993. С. 103—125.
3. Стариков В. С. Научная и педагогическая деятельность Б. И. Панкратова // *Страны и народы Востока*. Вып. 11. М., 1971.
4. Юань-чао би-ши (Секретная история монголов). 15 цзюаней. Том I. Текст / Изд. текста и предисл. Б. И. Панкратова. М., 1962.
5. Дамдинсүрэн Ц. Монголын нууц товчоо (Секретная история Монголов). Улаанбаатар, 1976.
6. Дугаржав. Монголын Нууц Товчооны харгуулан хянасан дэвтэр (Исследование спорных мест в «Сокровенном сказании Монголов»). Хайлар, 1984.
7. Монголын нууц товчоо (Секретная история Мовголов) / Подгот. текста Ш. Гадамба. Улаанбаатар, 1990.
8. *Фан Лингуй*. Юань-чао би-ши тун-цзянь (5) (Индекс к «Секретной истории Монголов»). Пекин, 1986.
9. Чжун юань инь юнь (6) (Рифмы произношения Центральной равнины). Шанхай, 1956.

¹ «Линия нойона (нойан мор) означает непрерывную преемственность звания главы («нойон») рода или клана, переходящего по наследству от отца к сыну (в нашем тексте — вплоть до Усун Эбугэна)... Нойон в до-чингисову эпоху обозначал главу рода, клана, связанного с родом кровным родством. Это слово является старым, заимствованным из корейского языка... теми монгольскими племенами, которые жили в сравнительной близости от Кореи» [см. АВ, ф. 145, оп. 1, ед. хр. 116, л. 10—11].

² «Мне представляется, что «БЭКИ» (или «БЭГИ») было почетным титулом, который жаловался вождю племени родовым старшинам по особому поводу или за выдающиеся заслуги. «Линия бэки» (БЭКИ МОР) означает непрерывную преемственность звания БЭКИ у монголоязычных родов, кланов, существовавшую до полного объединения разрозненных монголоязычных групп Чингис-ханом во единое целое, которое и стало носить имя «монголы». Вот как я понимаю этот переведенный мною параграф: «По монгольским обычаям каждый кровно связанный с родом вождь может получить почетный титул «БЭКИ». Усун Эбугэн — прямой потомок главы рода Барин. Преемственность БЭКИ у нас... идет с давних времен. Пусть же Усун Эбугэн станет «БЭКИ». Теперь, когда он возведен в «БЭКИ», он имеет право носить белую одежду, может ездить верхом на белом мерине, пусть ему оказывают почет, сажая на первое место, и пусть так будет до самой его смерти» [там же, л. 15; письмо Н. П. Шастиной от 24.II.1969, см. там же, ед. хр. 115].

10. [Cleaves F. W.] The Secret History of the Mongols For the First Time Done into English out of the Original Tongue and Provided with an Exegetical Commentary F. W. Cleaves (tr.). Harvard University Press, 1982.
 11. Haenisch E. Die geheime Geschichte der Mongolen aus einer mongolischer Niederschrift des Jahres 1240. Leipzig, 1948.
 12. Kaluzynski S. Tajna Historia Mongołów. Warszawa, 1970.
 13. Pelliot P. Histoire secrète des Mongols. Paris, 1949.
 14. Vitze H. P. Rückläufiges Wörterbuch zu Monghol-un Niuca Tobcaan. Leipzig, 1969.
 15. Weller F. Das Sino-Indian Institute der Harvard University in Peking // Asia Major. Vol. 9. 1933. S. 658—663.
-